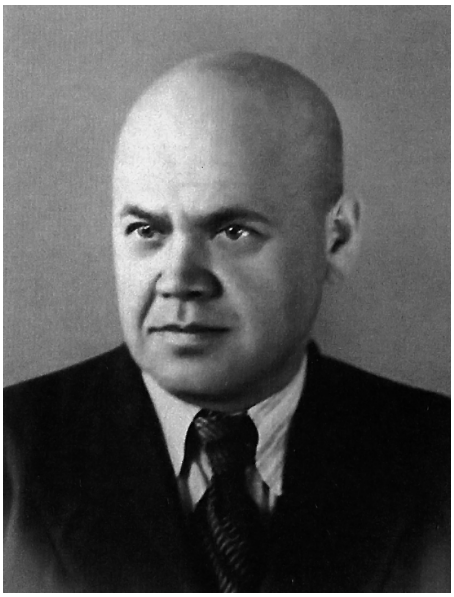
Г. Х. КАМАЙ

Трагические и триумфальные страницы жизни

Мой собеседник, сделав паузу в разговоре, встал, отвернулся, медленно подошел к окну, а потом сказал, как будто продолжая спор с кем-то: «Мне уже было все равно. Хотелось лечь на пол кабинета следователя и больше не просыпаться». Мы беседовали о 1937 г. дома у профессора Камая. Он впервые довольно подробно рассказывал о том, что происходило с ним после ареста 7 сентября 1937 г.

Для моего поколения Г. Х. Камай был почти легендарной фигурой: участие в штурме Перекопа, блестящий старт в науке после окончания Томского университета в 1926 г., возвращение в Казань, работа в Казанском университете и химико-технологическом институте, затем в 1929-1930 гг. стажировка в лучшей химической лаборатории Тюбингенского университета в Германии. После ее окончания он был самым молодым заведующим кафедрой Казанского химико-технологического института, а с 1935 г. — ректором Казанского университета. Правда, один из профессоров КХТИ сказал ему, узнав о назначении: «Зря уходишь, тебе там

сломают шею». Но будущее тогда представлялось Г. Камаю в радужном свете, много было планов, один из которых — сделать Казанский университет одним из лучших в СССР.

Вначале все складывалось хорошо. Правда, университет уже затронули репрессии. Был арестован и предшественник Камая. Но новому ректору казалось, что к нему невозможно придраться: сын грузчика, участник Гражданской войны. Правда, была еще длительная стажировка за границей. Но эта поездка была согласована с «органами» и ставила целью изучить возможность создания боевых отравляющих веществ. Тогда еще не было термина «двойное назначение», но речь шла именно об этом. Впрочем, до прихода к власти Гитлера Советская власть, ВСНХ и разведка весьма «плотно» сотрудничали в военной области с Германией. Назовем только общеизвестные проекты. В Казани работала школа по подготовке советских и германских танковых офицеров, в Липецке — летчиков, в «Томке» под Саратовом разрабатывали производство иприта и люизита, было и многое другое. Так что Г. Камай был в этом плане безупречен. На XVIII съезде партии в своем выступлении Нарком просвещения РСФСР А. Бубнов назвал его в числе наиболее талантливых представителей молодой советской интеллигенции. Это была огромная честь. Добавим к этому, что Камай хорошо владел немецким языком, он говорил мне: «Без знания немецкого в химии тогда делать было нечего».

Разговор с Камаем, а у нас было несколько встреч у него дома, был весьма доверительным, о некоторых событиях и поведении людей из числа крупных химиков и будущих академиков он пока просил не писать, а просто принять к сведению. Среди своих научных наставников он отмечал профессора Томского университета Тронова, профессора Тюбингенского университета Якоба Майзенхаймера, академика А. Е. Арбузова. Особенно высоко ценил он свою стажировку у Майзенхаймера, называя его одним из самых великих химиков мира. Именно по рекомендации Майзенхаймера Камаем были опубликованы первые научные работы на немецком языке. Это означало европейское признание.

В конце 1960-х гг. я опубликовал два очерка о Г. Х. Камае, положительно встреченные научной общественностью. Правда, удалось написать далеко не все. Мы договорились о дальнейших контактах, речь должна была пойти о встречах с Майзенхаймером, но Камай внезапно умер в 1970 г., не дожив до семидесяти лет. Трагические события 1937 г. сократили ему жизнь. Мой знакомый хирург сказал, что надо еще удивляться тому, что он дожил до 69 лет при таком изношенном сердце.

Сейчас наступило время, когда можно более подробно рассказать об этом замечательном человеке и крупнейшем ученом. Раскрою и некоторые факты, о которых я не мог в свое время написать. Впервые познакомлю читателя и с «тюбингенскими» страницами жизни ученого из «досье Камая», чудом сохранившегося в архиве Тюбингенского университета, и с краткой биографией его наставника Я. Майзенхаймера — не только крупного ученого, но и боевого офицера, участника Первой мировой войны, командира саперной роты, награжденного двумя орденами. В очерке будут приведены и материалы следственного дела, включая и попытки работников НКВД добиться признания от Камая в том, что он состоял в «немецком фашистско-химическом обществе», куда был завербован Майзенхаймером. В очерке использованы и документы о Камае, хранящиеся в НА РТ, ЦГА ИПД РТ, материалы следственных дел Центрального архива ФСБ РФ и архива УФСБ РФ по РТ. Моя глубокая признательность руководителям и работникам этих архивов за постоянную помощь в поисках документальных источников.

Но вернемся в 1935 г., когда Камай был назначен ректором КГУ. Он сумел решить многие кадровые вопросы. В частности, по рекомендации начальника управления вузов и науки Наркомпроса РСФСР Х. Габидуллина пригласил на должность заведующего кафедрой теоретической физики видного польского ученого М. Матисона, которого хорошо знали и ценили такие светила науки, как А. Эйнштейн, Ж. Адамар и П. Ланжевен. Из крупных организационных проблем новый ректор предполагал решить в ближайшие годы следующие: подготовить профес-

соров из татар по основным специальностям, довести число студентов-татар до 50 %, создать издательство по выпуску научно-популярных книг на татарском языке, создать факультет языка и литературы с русским, татарским и чувашским отделениями, открыть исторический факультет. По причинам, о которых мы скажем ниже, многое из намеченного Г. Камаем было осуществлено уже без него.

До сих пор неизвестно, как возникло «дело Г. Камая». Очевидно, суть была не только в каком-то доносе завистника, а их у него было немало. Судя по материалам следственного дела, речь шла о попытке создать вражескую группу из ученых-химиков. Так как Г. Х. Камай был членом партии, дело предварительно рассматривалось на заседании парткома КГУ 17 июля 1937 г. В этом заседании участвовали: Лобов, Бирюков, Дистанов, Тазетдинов и Чугунов (парторг химфака). Обвинения сводились к следующему: наличие родственника-эмигранта в Китае, оказание помощи в поступлении в КХТИ родственнице М. Султан-Галиева и членство в фашистском химическом обществе. Некий Буйлов, проявив особое рвение, даже заявил, что, по его подозрению, Камай завербован немцами для шпионской работы. Решение парткома КГУ было единогласным — исключить из партии. А уже 7 сентября 1937 г. Камай был арестован.

Не забудем, что в августе 1937 г. по приказу Н. И. Ежова, утвержденному Политбюро и предварительно просмотренному И. В. Сталиным, каждая республика и область получили контрольные цифры «плана» по репрессиям. Татарская республика по этому списку должна была обеспечить до декабря 1937 г. расстрел 500 человек и заключение на разные сроки 1 500 человек. Это указание Политбюро подлежало обязательному выполнению. Работники НКВД, не обеспечившие достижение контрольных цифр или, как еще их называли, «лимитов», подлежали наказанию. Вот, очевидно, и «дело Камая» и других казанских химиков, втянутых в его орбиту, входило в этот «лимит».

Главной фигурой следствия был Г. Камай — не только видный химик, но и, самое главное, ректор университета, который мог возглавить шпионскую работу в пользу Германии через подобранные им кадры. Кроме того, ему можно было приписать связь с националистами и султангалиевцами. Судя по следственному делу, допросы начались на третий день после ареста. Темы, которые интересовали группу следователей во главе с заместителем наркома внутренних дел республики М. Шелудченко, были разнообразны. Вот наиболее характерные из них: связи с врагом народа Х. Габидуллиным, рекомендация на должность заведующего кафедрой польского подданного М. Матисона, создание вражеской группы из ученых и т. д. Далее рассматривались вопросы, связанные с пребыванием Г. Камая в Тюбингене, и главный из них — какие секретные материалы и приборы передал он Майзенхаймеру и какие задания получил от него для выполнения в Казани.

Первоначально ответы Камая были откровенны и несколько наивны. Как ректор, он был постоянно связан с Х. Габидуллиным, бывшим руководителем правительства Татарской республики. Приезд М. Матиссона, ученого европейского уровня, входил в его компетенцию как начальника управления Наркомпроса, ведавшего университетами и научными учреждениями. Никаких вражеских групп он не создавал, а просто привлекал к совместной работе ученых, аспирантов и студентов в рамках учебного процесса. Если считать секретным прибором «колбу Арбузова», то она давно известна химикам. Именно несколько экземпляров такой колбы, равно как и оттиски публикаций, он передал известному химику Я. Майзенхаймеру, к которому поехал на стажировку. Передал их по просьбе А. Е. Арбузова, своего научного руководителя, который полагал, что это поможет налаживанию научных связей и на будущее.

Конечно, такое простое объяснение не удовлетворило следователей. Началось физическое выбивание признаний. Колбы Арбузова были переданы на заключение двум химикам. Выводы, очевидно подсказанные следователями, были весьма зловещими. Из них следовало, что Г. Х. Камай, по существу, разрешил проблему разра-

ботки таких веществ, которые можно применять в качестве отравляющих. И, передав указанные колбы, он дал возможность использовать эти средства в борьбе против Советского Союза. Вот во что превратились колбы, переданные А. Е. Арбузовым для Я. Майзенхаймера.

В «заговорщическую группу Камая» постепенно включили и других химиков. В конце 1938 г. число арестованных дошло до 18 человек. В их число вошли Б. А. Арбузов, А. И. Разумов и другие представители химической науки и производственники. Тем временем конец 1937 г. был критическим, Нарком внутренних дел ТАССР В. И. Михайлов получил от Н. И. Ежова замечание за то, что к концу года контрольные цифры по первой категории недовыполнены.

Естественно, это сразу же отразилось и на деле Г. Х. Камая. Началось активное выбивание признаний. Камай был лишен сна на 126 часов. Не стеснялись в применении пыток и с другими. Уже в 1939 г. А. И. Разумов, после того как ход дела неожиданно изменился, рассказывал о методах допросов представителю Главной военной прокуратуры. Из Камая выбивали показания главным образом на отца и сына Арбузовых и Я. Майзенхаймера. О Х. Габидуллине, а также о руководителях республики не спрашивали. Большинство из них было расстреляно в начале мая 1938 г. «Дело химиков» все больше приобретало «научно-вредительский» характер. В этой обстановке широко применялись оговоры и самооговоры.

Очевидно, это «дело химиков» завершилось бы судебным процессом с вынесением нескольких смертных приговоров, но неожиданно изменилась политическая обстановка. В конце ноября 1938 г. был снят с должности Н. И. Ежов и назначенному на его место Л. П. Берия поручили несколько смягчить репрессивную политику. По указанию И. В. Сталина был широко распространен слух, что во всех беззакониях виноват садист и пьяница Ежов. Судя по воспоминаниям сына Г. М. Маленкова, при обыске в сейфе Ежова обнаружили досье на большинство членов Политбюро, включая и самого Сталина. В органах НКВД вскоре были проведены аресты некоторых работников, нарушавших законы и прибегавших к пыткам. На места прибыли работники Прокуратуры СССР для проверки ведения следственных дел органами НКВД. «Дело химиков» в Казани взял под личный контроль новый Нарком внутренних дел ТАССР Е. М. Морозов. В январе 1939 г. он и представитель Прокуратуры СССР Коперник допросили большинство арестованных. До апреля 1939 г. шло постепенное «затухание» следственного процесса. За это время были арестованы, «как нарушители социалистической законности», некоторые руководители НКВД ТАССР, в том числе нарком Михайлов и его заместитель Шелудченко. Оба они в ходе бериевской чистки ежовских кадров были судимы и расстреляны к февралю 1940 г. В обвинительном заключении в числе других пунктов есть и пункт о «фальсификации ими дела 18 казанских химиков». В. И. Михайлов в последнем слове сказал, что от Н. И. Ежова получал только указания о расстрелах, добавив, что многие списки ему передавал лично первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) А. М. Алемасов. Заметим, что последний уцелел, но после отъезда из Казани в 1942 г. уже не занимал крупные партийные должности.

Произошли и другие кадровые изменения. В течение апреля — мая 1939 г. были освобождены все химики. Решение от 22 мая 1939 г. по Г. Х. Камаю за подписью военного прокурора Приволжского военного округа Бондаря и Наркома внутренних дел ТАССР Морозова звучало так: «За недоказанностью предъявленных обвинений дело по обвинению Камая дальнейшим производством прекратить и Камая из под стражи освободить».

Дело вроде бы закончилось благополучно. Но чего это стоило Г. Х. Камаю и его «подельникам», знали только они. И, хотя все подследственные в ходе прекращения дела отказались от взаимных обвинений, психологическая травма была страшной. Им еще всем предстояла долгая жизнь, но 1937 г. они забыть не могли.

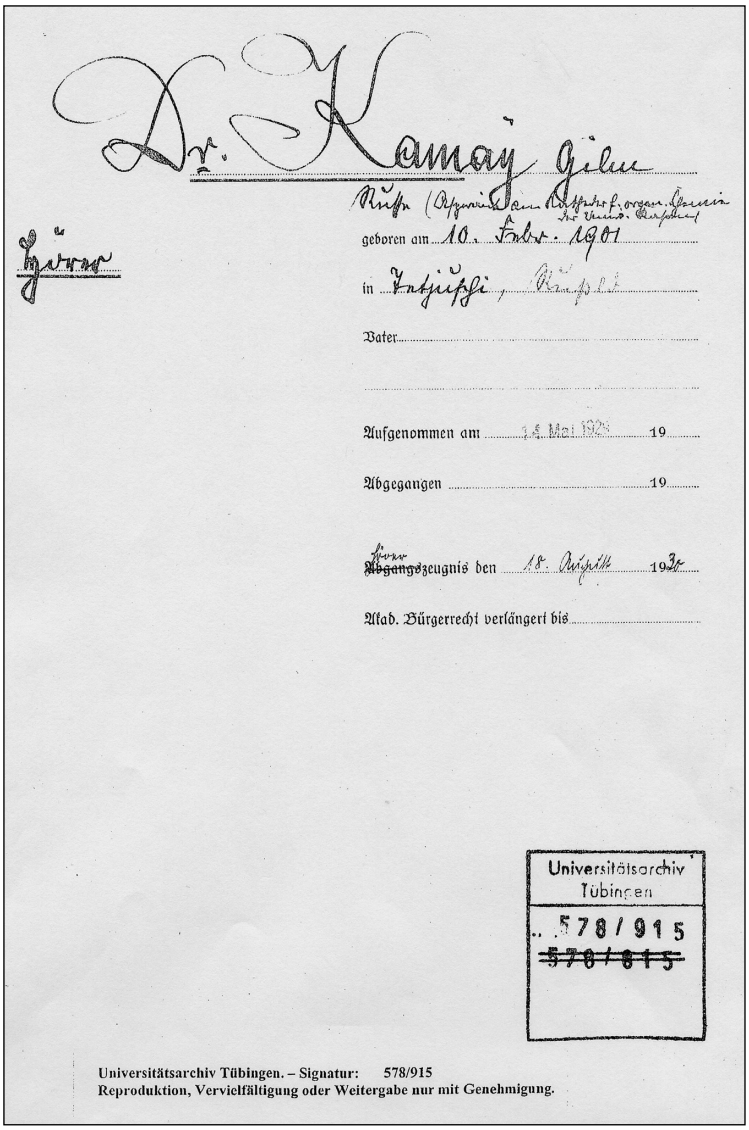
Несколько слов о дальнейшей жизни Г. Х. Камая. Внешне он был окружен почетом, в годы войны за создание нового типа боевых отравляющих веществ был награжден. Камай был удостоен

различных государственных наград и премий. Однако, несмотря на огромные научные заслуги, он так и не стал академиком. В университет Г. Х. Камай не вернулся. Его письмо об увольнении пронизано обидой. Он не мог забыть разоблачительную кампанию 1937 г. против него. Оставшуюся жизнь он проработал заведующим кафедрой Казанского химико-технологического института. На более крупную работу его больше не выдвигали. Смена триумфов и трагедий — так можно определить его жизнь. И таких людей в сталинскую эпоху было немало.

Ниже публикуется перевод документов, хранящихся в деле Г. Камая в архиве Тюбингенского университета (Германия).

Автор благодарит Германский исторический институт в Москве и Фонд Герды Хенкель (Германия), в рамках стипендии которых профессором КГУ С. Ю. Малышевой была проведена работа в архиве Тюбингенского университета, а также архив Тюбингенского университета и лично госпожу Бауер за помощь в поиске документов.

Булат Султанбеков,
профессор

Dr. Kamay Gilm

geboren am 10. Febr. 1901

in

Vater

Aufgenommen am 15 Mai 1923 19

Abgegangen 19

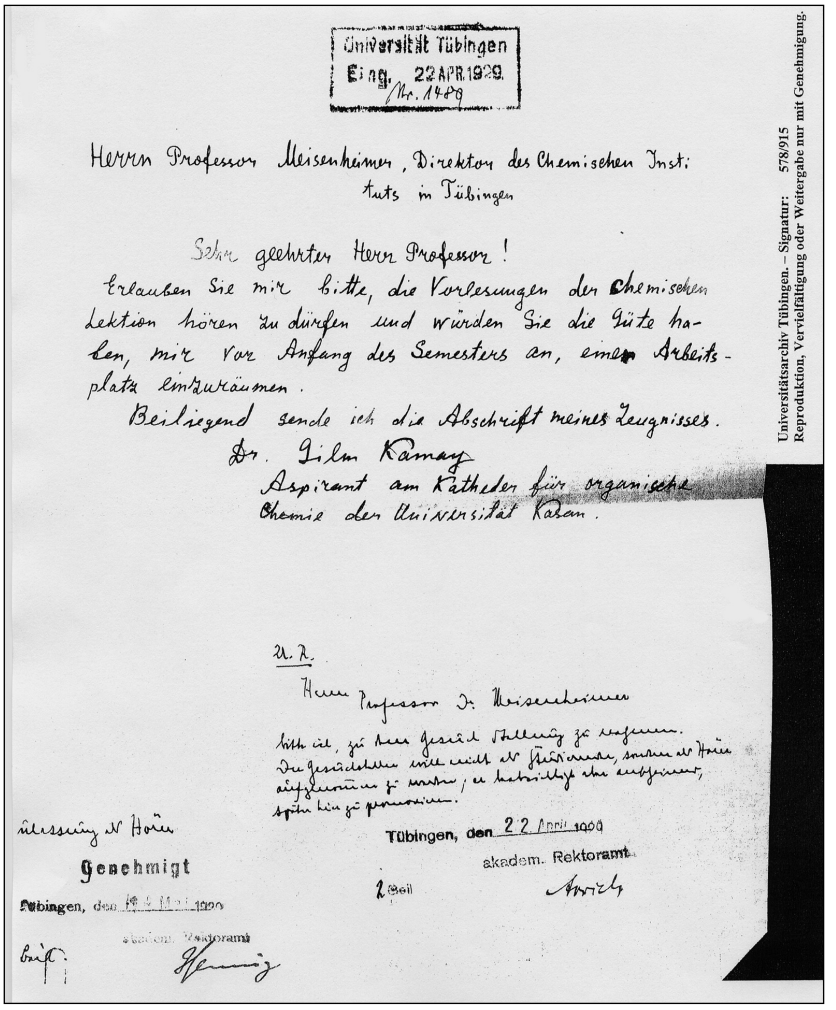
Abgangszeugnis den 18. April 1927

Akad. Bürgerrecht verlängert bis

Universitätsarchiv Tübingen
578/915
~~578/815~~

Universitätsarchiv Tübingen. – Signatur: 578/915
Reproduktion, Vervielfältigung oder Weitergabe nur mit Genehmigung.

Обложка дела доктора Г. Х. Камая. Архив Университета Тюбингена, д. 578/915.

Заявление Г. Камая профессору Я. Майзенхаймеру.
Архив Университета Тюбингена, д. 578/915, л. 4.

№ 1. Заявление Г. Камая профессору Я. Майзенхаймеру

22 апреля 1929 г.

Господину профессору Майзенхаймеру, директору Химического института в Тюбингене.

Многоуважаемый господин профессор!

Позвольте мне, пожалуйста, слушать лекции по химии* и будьте так добры предоставить мне перед началом семестра рабочее место.

В приложении я посылаю копии моих документов.

Д[октор]р Гильм Камай.

Аспирант кафедры органической химии Казанского университета.

Резолюция: Р[ектор] у[ниверситета].

Господину профессору, д[октору]ру Майзенхаймеру.

Прошу высказать свое мнение по этому заявлению. Проситель хочет быть принят не в качестве учащегося, а в качестве слушателя, но он, видимо, намеревается позднее защи-

* Дословно: «Позвольте мне, пожалуйста, мочь слушать лекции химических лекций» (здесь и далее подстрочные примечания С. Малышевой).

тить здесь диссертацию.

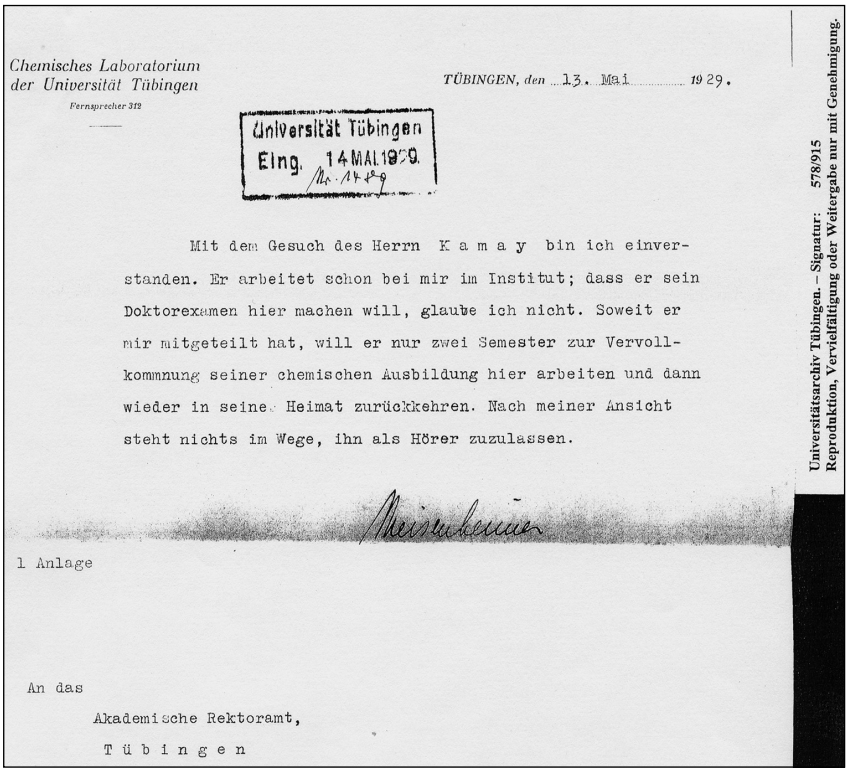
Тюбинген, 22 апреля 1929 г.

Академический ректорат

2 прилож[ения].

Анрих (подпись)*

Архив Университета Тюбингена, д. 578/915, л. 4.

Chemisches Laboratorium
der Universität Tübingen
Fernsprecher 312

TÜBINGEN, den 13. Mai 1929.

Universität Tübingen
Eing. 14 MAI 1929

Mit dem Gesuch des Herrn K a m a y bin ich einverstanden. Er arbeitet schon bei mir im Institut; dass er sein Doktorexamen hier machen will, glaube ich nicht. Soweit er mir mitgeteilt hat, will er nur zwei Semester zur Vervollkommnung seiner chemischen Ausbildung hier arbeiten und dann wieder in seine Heimat zurückkehren. Nach meiner Ansicht steht nichts im Wege, ihn als Hörer zuzulassen.

1 Anlage

An das
Akademische Rektoramt,
T ü b i n g e n

Universitätsarchiv Tübingen. – Signatur: 578/915
Reproduktion, Vervielfältigung oder Weitergabe nur mit Genehmigung.

Докладная записка Я. Майзенхаймера в Академический ректорат Тюбингенского университета. Архив Университета Тюбингена, д. 578/915, л. 5.

№ 2. Докладная записка Я. Майзенхаймера в Академический ректорат Тюбингенского университета

13 мая 1929 г.

Я согласен с заявлением господина Камая. Он уже работает у меня в институте; не думаю, что он хочет сдать здесь свой докторский экзамен. Как он мне сообщил, он хочет только поработать здесь два семестра над усовершенствованием своего химического образования и потом вернуться снова на свою родину. По моему мнению, ничто не препятствует его допуску в качестве слушателя.

Майзенхаймер (подпись)

1 приложение.

Архив Университета Тюбингена, д. 578/915, л. 5.

Фото на с. 55: Г. Х. Камай. История Казанского университета. – Казань, 2004. – С. 340.

Перевод документов с немецкого языка
Светланы Малышевой,
доктора исторических наук

* Ректор Тюбингенского университета.